

Постмодерн как час пик российской и мировой истории?

В.П. Булдаков, доктор исторических наук

На мой взгляд, нам устроили весьма полезную ментальную *встряску*. Не уверен, что это может перерасти в аналитическую *атаку*, но для меня это в любом случае весьма занимательное и увлекательное чтение — такое, после которого другие современные продукты интеллектуального труда кажутся пресными. Из этого, конечно, не следует, что я во всем согласен с автором.

Спрашивается: что предложил автор — обычную для нашего времени «алармистскую страшилку» или нечто более серьезное? Действительно ли мы находимся в точке бифуркации, когда достаточно умело разрубить гордиев узел прежней цивилизации, чтобы увидеть сияющий Мир Индиго? Лично у меня создается впечатление, что автор взялся выступить в роли сталкера — провести людей сквозь Зону (по версии А. Тарковского), однако зону скорее *воображаемую*, нежели реальную.

Историки — люди скептические и даже циничные: ничто не ново в этом мире. Если, к примеру, автор, напомнив о скульптурной группе Родена в Стэнфорде, обращает внимание на гигантские медные двери, переориентирующие взоры известных персонажей (идея ухода в новое культурное измерение), то я вспоминаю в первую очередь пивные бутылки, которыми местные студенты по-своему «разнообразили» бессмертное изваяние. Это не просто хулиганский вызов культурному наследию. В сущности, они попытались

сделать его «понятным» на ином — не алармистском, а бытовушно-релаксирующем уровне. Так эфемерность современности обычно и сталкивается с по-своему пластичным прошлым. Люди сами творят не только историю, но и (что в данном случае более существенно) *память* о былых смыслах, адекватную сегодняшним тревогам. И не стоит упрекать их в «опошлении» *Zeitgeist*'а: они просто бессознательно стремятся уйти от ситуации *past/future/shock*'а. Гуманитарии, напротив, склонны сгущать краски, преувеличивая элементы нераспознаваемо тревожной и/или обнадеживающей пассеистской новизны в современности. И если сегодня кто-то заявляет, что современная Россия-РФ — *новое* государство с *изменившимися* (?) ценностными ориентирами — находится, как и весь мир, в состоянии цивилизационного *транзита*, историк обязан задуматься (чего не чурается и автор): а не случилось подобное в истории? А если случилось, то как это разрешилось?

Мировая история — настоящее кладбище глобалистских проектов. «Единый» мир кажется более простым, а потому предсказуемым. В отличие от автора, я не стал бы вспоминать об Александре Македонском — достаточно европейских примеров из XIX и XX вв. Между прочим, все они так или иначе редуцируются в исторической памяти в силу неожиданной — словно исходящей из другого измерения — развязки. Так, Священный союз обернулся Крымской войной. XX в. оставил целую цепь глобалистских шарад: идея Соединенных Штатов Европы сначала скукожилась до Срединной Европы, затем спровоцировала «несимметричную реакцию» в виде Мировой войны, наконец, вызвала к жизни мессианские коминтерновские грезы. С Лигой наций тоже все понятно. Есть признаки, что и ООН ожидает сходная участь.

Хотел бы напомнить о менее известных (но более близких духу обсуждаемого доклада) глобалистски-футуристических мечтаниях. В 1930-е гг. среди весьма несхожих между собой представителей Русского зарубежья (И. Фондаминский,

В.П. Булдаков. Постмодерн как час пик российской и мировой истории?

Ф. Степун, Г. Федотов, Н. Бердяев) родилась идея Нового Града, призванного встать на место *окончательно* погибшего Старого Града (Россия и весь довоенный мир). В общем, проект возник на перекрестке идей Освальда Шпенглера и Владимира Соловьева в качестве противовеса перманентной расколотости эмигрантской культурной среды. Предполагалось, что Новая Россия и новый миропорядок (Новый Град) могут зародиться и утвердиться на экуменистской основе в ходе *внутреннего* нравственного пере/воз/рождения русской интеллигенции — а затем и самой России — на солидаристских основах. Реакция на этот мегапроект оказалась характерной: масса партийно-доктринерствующих эмигрантов его высмеяла; внутри России то, что могло в перспективе составить вожделенный «орден интеллигенции», было разгромлено «орденом меченосцев»; надежды на общеевропейское возрождение были перечеркнуты очередной Мировой войной. Лично у меня создается впечатление, что всем глобалистским «преждевременным идеям», естественно возникающим в связи с кризисными ситуациями, для своей практической актуализации суждено пройти своего рода кровавое чистилище — во всяком случае, так было с современной Европой.

Несомненно, представленный доклад (точнее — целая книга) очень нужен. Полномасштабная постановка вопроса о том, в *насколько* меняющемся мире мы живем и в какой мере реальны наши тревоги, действительно ли необходимы нетривиальные решения — давно назрела. Доклад — пусть представленный в форме тяжеловесного эссе — нужен еще и потому, что современная (прикладная и конъюнктурная) политология привыкла работать у нас в режиме административных структур, реагирующих только на ближайшие угрозы самим себе, а не на вызовы будущего. Однако, соглашаясь с автором в том, что существующий в России (да и в мире) дефицит стратегического мышления связан не с отсутствием масштабных целей, а с непониманием внутренней логики и соподчиненности текущих событий (неумением прочиты-

вать их на адекватном языке), лично я выстроил бы подобный доклад по иной схеме.

Как бы не относиться к Постмодерну, но некоторые его представители указали на более чем актуальный принцип: умение различать и разделять *реальное, воображаемое и символическое* (Ж. Лакан) — научиться тому, от чего отучала нас наша собственная история с ее переизбытком *воображаемых* напастей, а равно и интеллигентской привычкой, склонная считать символическое *единственно реальным*. В классе истории мы вечные троечники. Наша историческая культура крайне примитивна — прошлое вторгается в современность в виде малоуместных эмоциональных реакций. Так какое же воображение поможет искать точку опоры в водовороте современности? Действительно ли непостижимо усложнился мир, или человек просто потерялся в нем, запутавшись, в силу когнитивного расслабления разума, в трех соснах?

На мой взгляд, разобраться в этом можно, последовательно ответив на ряд вопросов. **Правильно ли мы воспринимаем** поступающую извне информацию? **Правильно ли мы мыслим** вообще, применительно к будущему в особенности? **Что** в действительности происходит с современным миром? **Что сделать, чтобы Россия заняла в нем достойное место?**

Итак, **не паникуем ли мы, оценивая вызовы современности?** Из собственного опыта могу сказать, что *всякая* «революция ожиданий» чревата у нас грядущей смутой. Вероятно, мы не столь оригинальны. Можно согласиться с автором, что сегодня во всем мире возникла ситуация вселенской растерянности, но из этого не следует, что мы страшимся будущего по неким универсальным законам.

Уже не раз высказывалось предположение, что россиянин — *истероид*, отягощенный комплексом исторической подозрительности. К этому можно добавить, что его специ-

В.П. Булдаков. Постмодерн как час пик российской и мировой истории?

фические страхи связаны с прогрессирующей неготовностью к *новым* критическим ситуациям — а они неизбежны. Действительно, в системе «тяглово-кормленческого» социального опыта и «раздаточной» экономики¹⁹ феномен «бунта бессмысленного» закономерен (хотя его «бессмысленность» — скорее сигнал SOS, поданный на особом языке). Россиянин действительно избыточно эмоционален: бытующее представление о том, что английскую революцию вызвала «английская Библия», французскую — философы-энциклопедисты, а русскую революцию — великая (действительно великая при всей своей ситуационной провокационности) русская литература, совершенно не случайно.

Сегодня мы в действительности знаем о Постмодерне только то, что он наступает после реально поставленной под сомнение (впрочем, только в рамках европейской культуры) эпохи Модернити. А потому мы скорее ощущаем перспективу *неуправляемого* (самокатализируемого) распада и энтропии «вечных» и «правильных», как нам казалось, начал и структур, чем дыхание будущего. Хаос приближаем мы сами: наши «пугливо-праведные» эмоции создают необратимость ситуации, которая на грубом языке прагматистской социологии называется *shit hit the fan* (лучше не переводить!) И вот в этом грядущем водовороте (в значительной мере накликаемом нами самими) мы тужимся разглядеть очертания Мира Индиго, хотя синергетическое «спасение» связано вовсе не с нашим болезненным воображением.

Впрочем, вся человеческая история — это напоминание о «провалах» благих намерений, о неадекватности «судьбоносных» решений «ситуациям непредсказуемости». А потому стоит ли впадать во вселенский испуг, если известно и о миллениаристских страхах, и хилиастических утопиях, которые непременно разрастутся, если, находясь внутри

¹⁹ Кондратьева Т. Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв. М., 2006; Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России: Ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997.

распавшейся империи, день ото дня трубить об экологической, энергетической, демографической, финансовой, продовольственной и прочих угрозах. В прошлом нечто сходное отдельные *народы* уже переживали. Теперь через это предстоит пройти всему *человечеству*, состоящему из отнюдь не альтруистичных этнонациональных составляющих. В современной России этот момент усиливается эмоциональным перенапряжением от того, что было названо «усложнившейся структурой греха». Когда шатается весь мир, трудно сохранять равновесие в «одной, отдельно взятой стране». Не с этим ли связана настоящая паника?

Само по себе информационное перенасыщение любой социальной среды чревато ее дестабилизацией. Природа информационного общества (имеется в виду идеальный тип) содержит в себе ген саморазрушения — стихийные потоки информации (а они неизбежно становятся именно такими) перестают телеологично ориентировать человека, неуклонно теряющего базовые элементы культуры и ментальности через неуклонно деструктурируемую повседневность. Виртуальность обыденности провоцирует бунт против своей собственной «плоти», которая, в свою очередь, отчаянно противится этому. «Плазменное» состояние квазисоциумов вряд ли можно обуздать искусственным информационным аттрактором — постмодерные структуры устроены таким образом, что потакая человеческим *фантазиям* и *прихотям*, они ломают человеческое *существо* в его бытийственной основе.

Утопии не спасают от катастрофичного будущего — поэтому важно просто распознать *антроподеструктивный* компонент последнего. Суть информационного (неототалитарного) общества в том, что это вывернутый наизнанку доисторический традиционализм. Такое общественное устройство имманентно тяготеет к тому, чтобы элиминировать творческое начало в человеке в угоду самодовольной, а потому легко, как кажется, управляемой стадности. Развитие этой

В.П. Булдаков. Постмодерн как час пик российской и мировой истории?

тенденции мы и наблюдаем сегодня. Генетический порок информационного общества еще и в том, что оно умертвляет альтруистические начала в человеке в угоду эгоцентристским. Такое общество обречено, медиатехнологии подавляют лучшее, что выработал в человеке его трагический исторический опыт.

На будущее возможен и нужен не только прогрессистски-оптимистичный взгляд. Современные государства подавляют то, что они сами же спровоцировали *внутри* человеческого существа. Если поздний капитализм (пострыночную экономику) можно характеризовать как общество *потребления* (вспомним известную американскую доктрину), то современные пострыночно-информационные системы — это общества провоцируемых и одновременно подавляемых *потребительских прихотей*. Наше медийное пространство устроено таким образом, что вынуждает обсуждать Государство Будущего в рамках существующего Государства Абсурда.

В системе российских миропредставлений периодически возникают свои собственные тупики, провоцирующие взрывные реакции. Вспомним о наиболее расхожих вопросах российского, так называемого пореформенного времени: «Кто виноват?» и «Что делать?». На первый из них так и подмывает ответить: «Сам дурак!», ибо второй определенно принадлежит социально несамостоятельному и дезабильному существу, вечно склонному бунтовать против «темных сил». Строго говоря, исторические причины такого поведения распознать нетрудно: этатизация каждодневного существования поднимается в сознании россиянина до онтологического уровня; неумение самостоятельно взаимодействовать с «чужим» (т. е. незнакомым, непонятым, непредсказуемым в самом широком смысле слова) приводит к тому, что рано или поздно он начинает искать врагов у себя под кроватью. При этом рейтинг любого политика или «аналитика», взявшегося эксплуатировать образ врага, стремительно растет.

Автор, безусловно, прав, сделав алармистское предположение о том, что в нынешнем турбулентном пространстве возникает принципиально иной уровень угроз, распознать которые привычными средствами невозможно. Но главная угроза в том, что мы *эмоционально* не подготовлены к встрече с новым. А потому в условиях, когда в очередной раз выясняется, что «умом Россию не понять», непременно находится правитель, в *которого*, оказывается, *необходимо* верить.

Существует и другая сторона медали: при всей своей квазиполитической наивности россиянин «избыточно» талантлив — власть так и не смогла «усреднить» или «отформатировать» его ни дисциплинирующим, ни культурным насилием. А неуправляемый талант сам по себе взрывоопасен. Кстати, это заметно и в представленном докладе. Так что же может случиться, если подобный талант в «автохтонной» экстремальной ситуации пытается предложить глобалистский мегапроект — реакцию на субъективные представления о существующих вызовах и угрозах?

Переживаемая переломная эпоха (или время, которое кажется нам переломным) может оставаться всего лишь плодом нашего больного воображения, а потому главное — постараться заблокировать параноидальные компоненты исторического воображения. А между тем, россиянин, целиком поглощенный поисками *тверди* в своем все менее понимаемом прошлом и/или во внешнем мире (идеализируемом и демонизируемом одновременно), органически не склонен к распознаванию грядущего *хаоса*. Хуже того, он сам произвольно вносит весомую лепту в раздувание его масштабов. Бояться надо в первую очередь именно этого.

Правильно ли мыслим вообще и применительно к будущему — в частности?

Совершенно очевидно, что мир стремительно перестает соответствовать привычным прогрессистско-эволюционным прописям. При этом ставшая шаблонной терминология

В.П. Буддаков. Постмодерн как час пик российской и мировой истории?

гия: постиндустриальное и информационное общество, новый мировой порядок, столкновение цивилизаций и прочие интеллектуальные этикетки скорее напоминают словесный маскарад, нежели свидетельствуют о прозорливости современников. Люди бессознательно мистифицируют будущее или просто заслоняются от него стремительно размножающимися стереотипами, все менее адекватными реальности. Но существует и другая сторона медали: так было всегда в критические (не обязательно переходные) эпохи; современные *mass media* лишь осложняют этот процесс тем, что подсовывают человеку «спасительный» наркотик эрзацбытия. Реальные ощущения все больше подменяются их выхолощенными суррогатами, вместо бытия мы получаем иллюзию бытия, вместо власти — зрелище власти и т. д. и т. п.

Этот процесс начался не вчера. Как бы то ни было, автор совершенно прав: *mainstream* про/западной социологической мысли органически не готов к конструктивному разрешению проблемы *своего* будущего. Действительно, если в основе *его* прогресса имплицитно лежал культ «рациональности», выделяющей в окружающем мире лишь простейшие причинно-следственные связи, если выгода стала мерилем успеха, а успех — своего рода онтологической вершиной, то рано или поздно старая ментальная карта оказывается бесполезной для распознавания маршрутов информационного усложнения мира. Воспитанное «прогрессом» самодовольство превращается в иррациональную основу тотального самоуничтожения. В таких условиях сами по себе дискуссии о *постсовременной* цивилизации, ведущиеся на заведомо устарелом языке, способны приобрести характер стимулятора деструкции фундаментальных основ настоящего.

Конечно, проблема будущего («туманного» по определению) может поставить в тупик кого угодно и где угодно. Автор, однако, упорно настаивает на том, что некоторые процессы пост/современного универсума обладают неким особым дискурсивным *иммунитетом*, выступая в виде свое-

го рода принципиально нерешаемых криптографических шар-рад. У меня, однако, есть подозрение, что так было — пусть не в столь уплотненной форме — всегда. Историкам, строго говоря, надо бы заниматься не «выдающимися личностями», а тем, сколько заблуждений приходится на одно их «прозрение», как часто они ошибались в ходе принятия «судьбоносных» решений и почему мир все же подчинялся именно им.

Раньше людям удавалось заслониться от «избыточной» сложности бытия не с помощью разума, а веры. Ныне вера парализована политкорректностью — внутренне молясь надо думать не столько о Боге, сколько о своем соседе. В таких условиях врожденная ограниченность нашего гуманитарного знания выступает более зримо — в том числе и в силу профессионального кретинизма, клонируемого неумолимо плодящимися «аналитиками», «школами» и «институтами». Беда в том, что независимые и неформальные инновационные сообщества, в принципе способные их легко превзойти, обречены вести в современном обществе полуподпольное «масонское» существование.

Давно было сказано, что западные болячки способны превратиться на русской почве в эпидемии. Нельзя не согласиться и с тем, что происходящие на Западе сокращение горизонта рефлексии, утрата вкуса к большим смыслам (в немалой степени поддерживавшегося в прежние времена традицией богословия) давно парализовали волю к истине. Если во времена Модернити человек создавал смыслы, то теперь он пытается (в лучшем случае) уловить их в кажущейся бессмыслице. В России положение еще хуже: казенный атеизм повлек за собой такую релятивистскую расхлябанность сознания, которая ценностно, а затем и когнитивно, дезориентировала человека.

Строго говоря, сегодня мы не умеем отличать текущее состояние от устойчивой тенденции (точнее, на манер Ленина, абсолютизируем неумолимость последней). Это усиливается культом «достижений» (который, как обычно, грозит обер-

В.П. Буддаков. Постмодерн как час пик российской и мировой истории?

нуться культом силы). Ложные ответы на вызовы времени связаны именно с этим — мы всего лишь гадаем, какому богу молиться.

Как в таких условиях оценить «параметры» Хаоса? Откуда он проистекает: из наших слабых голов или экономической перверсии очередного витка кризисной глобализации? Автор предлагает разобраться с происходящим с помощью таких, в частности, понятий, как периодичность или непериодичность, сообщающие действия и синергетические эффекты, автокаталитические процессы и спонтанные ремиссии, бифуркация и аттрактор. Но, спрашивается: разве как в прошлой жизни (а равно и на бытовом уровне) мы интуитивно принимали решения на каких-то принципиально иных основах? И хотя, подобно известному комедийному герою, мы не подозревали, что «мыслим прозой», это не мешало нам принимать «спасительные» решения (являющиеся логически, мягко говоря, непротиворечивыми). «Новое мышление», в конечном счете, всегда пасовало перед «старым» здравым смыслом.

Если западная (точнее иудео-христианская, атлантическая) мысль оказалась в кризисе, причем перманентном, то в еще более кризисной ситуации окажется ментальное пространство недо/западных (полухристианских, полутрадиционалистских) народов, ориентированных на «чужие» ценности. В России все это мы не раз переживали и вновь переживаем. Но следует ли из этого, что надо «клин вышибить клином» — избавиться от одной «устаревшей» иллюзии с помощью другой — более масштабной? Не практичнее ли держаться поближе к грешной земле?

Автор связывает кризис современных миропредставлений с реанимацией гностицизма. Боюсь, что здесь он выдает желаемое за действительное. Протестантство открыло путь секуляризации мысли, от которого (в условиях избыточности материального) был неизбежен откат к «модернизирующемуся» *предрассудку*. Сегодня собственно гности-

цизм — своего рода упрощенное христианство — является уделом немногих, хотя именно это мировоззрение наиболее близко человеку, развращенному потребительской логикой и эманациями поп-культуры. Дух «Кода да Винчи» — паразитического *fusion* претенциозного элитаризма и вызывающей вульгарности — действительно устойчиво поселился в «продвинутых» умах. Как итог, концепты эпохи Модернити — с помощью гностицизма или помимо него — действительно ветшают на глазах.

Но что может прийти взамен? Если объектом изучения так называемой самоорганизующейся критичности является не объект, а элементы (его) движения — тренды (это напоминает мне феноменологию Э. Гуссерля), то не означает ли это, что перед лицом неизвестности мы бессильно соглашаемся на *внешний* контроль над «ненадежным» людским естеством — человеческий разум публично расписывается в своем несовершенстве перед лицом некой новой («понимающей») Инквизиции, которая выкроит Мир Индиго по своим собственным («гуманным») лекалам. Лично меня такая перспектива не вдохновляет — Мир Индиго придется искать, окунувшись в средневековое прошлое.

Автор апеллирует к людям равнодушным к вкусу васаби — должно быть, экзотической новизны. Должен напомнить, что в основе неповторимого *васаби* лежит издавна знакомый россиянам *хрен* (который, как известно, не слаще редьки). Автор полагает, что Россия исторически строилась как страна *пути* — в этом ее уникальность. По моему мнению, она никак не строилась, а расплзлась по *естественным* руслам в виде (нет, не магмы!) густеющей клейкой массы идеократически-патерналистской государственности, разъедаемая имперски-бюрократическими амбициями. Это — пространство застоя ради самосохранения.

Что происходит с миром в целом?

Предыдущий виток глобализации был связан с тем, что человек терял гуманитарный контроль над своими собственными инновационными достижениями, а если по-простому, то его *рукотворные* деяния разошлись с основами жизнедеятельности. Строительство *искусственной* среды человеческого существования шло всегда, и точно так же всегда этому противостояли естественные бытийственные пределы. Сегодня создается еще более искусственная (медийная) среда обитания человека, т. е. создаются условия для виртуального «беспредела», непосредственно формирующего (или элиминирующего) человеческие качества как таковые. Совершенно очевидно, что почва принятия решений является куда более зыбкой, но, тем не менее, вполне предсказуемой, ибо речь идет уже не столько о «плоти», сколько о душах людей.

Если так, то следовало бы, прежде всего, искать силы сдерживания против соблазнов реального и/или мнимого Постмодерна. Между прочим, похоже что такие силы существуют везде, кроме современной России, где успех, карьера, достаток и жизнь превращаются в синонимы.

Так называемая эпоха империализма начала XX в. несла в себе для европейцев искус *достатка* за счет других наций. Соответствующий тому времени этап глобализации таил в себе эгоцентричный соблазн удовлетворения *прихотей* с помощью всего «чужого», в том числе и ближайшего социального окружения. Известно, что начало века породило, с одной стороны, грандиозную социальную утопию, затем — откат к дикости. По мнению автора, в физике формирующегося миропорядка намечается диссипативное, но в то же время *устойчивое* (!) соединение цивилизации и дикости, футуризма и архаики в некотором *синкретичном* (!) культурном тексте. Я сомневаюсь в этом. Ситуация, в которой «золотой миллиард» предстает в глазах остального мира пространством порока и греха, не может быть устойчивой. При всей пластичности, с позволения сказать, человеческой природы, она вряд

ли лишится инстинкта самосохранения даже в условиях виртуального беспредела. Исторический опыт подсказывает, что наплывы социальной танатомании преходящи. Не следует сомневаться, что в мире действуют те же силы, что и 100, 200, 300... лет назад, обуздать которые невозможно ни старыми, ни «новыми нормами» права (вспомним Косово).

Существует и другая сторона медали. Можно ли говорить о грядущей эпохе Постмодерна, если подавляющая часть человечества попросту обошла (объехала по историко-антропологической «кривой») *Zeitgeist* Модернити?

Стоит ли в таких условиях надеяться на появление «нового поколения социоструктур» в самых различных сферах жизни? Еще раз хотелось бы заметить, что вся проблема Постмодерна состоит в том, что человек, оказавшись в плену *mass media*, попросту перестал различать грань между реальным, воображаемым, символичным. Отсюда — новая форма аморализма: если мир и большинство его обитателей условны, то и действия в отношении них могут быть лишены моральной ответственности. А потому не стоит говорить об *антропологическом* повороте; и если да, то в плане отката назад, а вовсе не кардинального изменения человеческих качеств.

Призрак общества, в котором, по словам автора, человеку будет дано распорядиться свободой как никогда и одновременно испытать небывалое угнетение реален *только* для Запада. Тоталитаризм грядет не там, где власть не оставит человеку свободы выбора (это практически недостижимо), а там, где человек уже не понимает, какой сделать выбор, как распорядиться своими свободами, зачем они вообще нужны. Между прочим, кое-что в современном мире указывает на то, что вперед вырываются страны, население которых и не ведает дилемм типа «демократия — тоталитаризм», «модерн — постмодерн».

Строго говоря, сегодня человечество не столько мечтает о Мире Индиго, сколько ищет от него противоядие. «Третий мир» его давно нашел. В России, однако, дело обстоит плохо.

В европейских странах метаморфозы государственности связаны с пластичностью общества и его способностью распорядиться своей судьбой *помимо* или *за спиной* государства (с неформальной санкции последнего). Поэтому неудивительно, что общество и порожденные его потребностями элиты решают любые, непосредственно затрагивающие их интересы проблемы, куда оперативнее профессиональных политиков и государств. Именно это автор хорошо показал. Но применительно России, где общество просто отсутствует, об этом пока мечтать не приходится. При этом в условиях нынешнего медийного диктата всякие намеки на государство-корпорацию звучат угрожающе (даже если при этом звучит призыв не путать его с фашистским корпоративным государством).

Заглянув в выстроенную на западный манер прихожую третьего тысячелетия, мы действительно можем уловить элементы генезиса будущих культурных и социальных клише, кодов управления, ценностных мотиваций, их конкуренцию, симбиоз. Можем, но где гарантия, что ростки всего этого удастся распространить на все уплотнившееся, но ставшее от этого еще более недоверчивым, человечество? Миллениаристские эмоции всегда были сопряжены с эсхатологическими настроениями. Есть риск, что они *уже* перевесили западные управленческие инновации.

Несомненно, что сегодня действительно существует потребность в новой методологии познания и, особенно, действия. Но такую потребность общественные науки испытывали всегда, ибо они давно не поспевают за ходом технологических и иных изменений, постоянно создающих качественно новые социокультурные и геостратегические ситуации. Отсюда практичнее выстраивать не стратегию вхождения в сомнительный *Ordo Novo*, а создавать ценности и смыслы *помимо него*, в соответствии с творческой природой человека.

Что можно и нужно сделать в России?

Мне кажется, что авторская мысль зациклена на простейшей и традиционнейшей российской дилемме: следовать ли за Западом (в Постмодерн) или идти «другим путем»? Сегодня и то, и другое в чистом виде боязно, а потому предлагается решить проблему суверенности (как государственной, так и культурной) неким особым путем. Но возможен ли он, если на сегодняшний день перспектива кризисного «развития» России отнюдь не исчерпана? (Рассуждения о «лимите на революции» — чистейшее словоблудие).

Россия доказала, что обуздание традиционализма государственностью не может не дать деструктивного эффекта. Сложноорганизованные системы традиционалистского типа в процессе эволюции сами по себе (без внешнего воздействия) вряд ли когда-либо достигнут критической стадии, когда даже случайное событие (воздействие) вызовет цепную реакцию деструкции. Но они же с успехом разрушаются, потеряв гибкость в результате искусственного ускорения эволюционного процесса. Насильственная инновационность способна вызвать процесс, аналогичный старению человеческого организма — тотальное разрушение по причине резко возросшей ригидности подсистемных элементов. Сегодня мы не имеем никаких иных реальных рычагов воздействия на систему, кроме самых грубых и примитивных — государственных. Правда, теоретически остается путь трансформации системы на «клеточном», культурно-антропологическом уровне. Но практически это уже невозможно: *mass media* расколота на сервильную (главным образом телевидение — основной источник информации для большинства населения) и «революционную» (Интернет, пресса) фракции. Внутрисистемное общение идет на языках разных эпох. Так стоит ли всерьез мечтать о возможности такого воздействия на систему, которое обеспечит ее реструктуризацию, обретение некоего нового внутреннего качества?

Стоит задуматься и о другом аспекте проблемы. Следует ли в нынешних условиях рассчитывать на технологии, нацеленные на форсирование и использование критических ситуаций, т. е. на сознательное приближение к точкам бифуркации ради хирургически выверенного разрубания «гордиевых узлов»? Можно ли в принципе вырастить общенационального лидера, который руководствовался бы такой стратегией; и если да, то в какой пробирке это сделать? Или, может быть, надеяться на появление «природного» харизматического лидера, обладающего «искусством демиургической импровизации»? Способен ли какой-либо лидер (и с чьей подсказки) перманентно инициировать и целенаправленно стимулировать динамику разбуженных дисперсных частиц? Увы, обычно в критических ситуациях у нас (и не только у нас) возобладали лидер совсем иного типа. Строго говоря, это был типаж закомплексованного недоросля, не ведающего что творит, а потому естественно вырастающего в хаотизированной социальной среде до масштабов «вождя». Такие лидеры словно специально предназначены для того, чтобы наиболее примитивными (силовыми) способами избавить людей от «сложностей бытия», порожденной «коллективными глупостями» многих веков. Увы, история сама разрубает гордиевы узлы человеческого безволия и недомыслия.

Впрочем, в представленном докладе присутствует еще один подтекст. То, что предлагается в самой ненавязчивой форме, можно назвать универсальной технологией революционного переворота (в последнее время подобные предложения связывают с рецептами «цветной» революции): сначала нужно подвести систему к неравновесному состоянию, затем в нужное время и в соответствующем месте активировать факторы, приводящие старый порядок к обвалу (хаотизация системы), наконец, ввести аттрактор, структурирующий систему в новом, требуемом направлении. И все бы хорошо, но только предугадать конечные результаты на-

меренной дестабилизации системы можно только, зная ее генетику. Но об этом в докладе как раз ничего и не сказано: упоминание дополнительных механизмов амортизации (кто их обеспечит?) ровно ничего не меняет. Автор сам же оговаривается — возникает подозрение в азефщине. Так не выведет ли людское неведение на исторически апробированный путь от Евно Азефа к Иосифу Сталину?

Современных российских политологов не покидает уверенность в том, что XX в. эволюционировал «от «революции масс» до «революции элит». Думаю, что это опасное заблуждение: прошедший век от начала и до конца был веком «восстания масс» — эволюционировала лишь форма восстания, к которой «пристраивались» элиты. Мы переживаем своего рода виртуальную охлократию, но убеждены, что этим управляет кто-то еще помимо Господа.

Автор напоминает древнюю китайскую максиму: *«Жить тебе в эпоху перемен»*. Французы говорят иначе: «Кто не жил в революционную эпоху — не жил вовсе». В истории Китая все уже было. Если долгосрочность существования в нестабильном, многомерном мире предопределяется искусством преадаптации к внешним условиям существования при сохранении внутренней культурно-антропологической стабильности, то надо откровенно признать, что будущее — за китайцами, а не за государствами-корпорациями.

Современная Россия предстает у автора как пока не обретший своего лица сухопутный океан Северной Евразии, связанный с перспективами либо развития, либо деградации власти. Спору нет: российской государственности давно пора трансформироваться в новое качество — однако, противоположное ныне складывающему. И здесь придется вспомнить о пресловутой Русской идее. У автора это поистине неуловимая величина, мистическая материя — недаром он предлагает даже «каталогизацию» формальных концепций национального идейно-политического творчества, начиная с Третьего Рима. На деле она проста, как мычание голодного троглоди-

В.П. Буддаков. Постмодерн как час пик российской и мировой истории?

та. Если система была достроена (или перестроена) как государство-склад, то какому Богу, если не Государству молиться? Если общества нет в принципе, но периодически появляются элиты (лишние люди), перманентно челночащие от власти к народу и обратно, то очевидно, что в такой культурной среде может возникнуть только одна идея — идея Абсолютной (рациональной и праведной, сакральной и неощутимой одновременно) Государственности. Но такого не бывает, а потому на признание *реального* (пусть подспудного) *существования* Русской идеи никто не отваживается со времен варягов. Именно поэтому все наши действительные усилия направлены на реформирование *одной* только Власти.

По мнению автора, право на достойное будущее страны является производным от калибра правящего класса — с одной стороны, энтузиазма и самоощущения народа, сопряжения исторической идентичности и токов новизны — с другой. Относительно первого он сам выражает оправданный скепсис. Современное Российское государство (корпорация) действительно предприняло «сброс социальных обременений» ради достижения максимальной геэкономической эффективности в международном разделении труда. (Красивое звучание скрывает банальную реальность самосохранения). Тем самым оно оказалось в ситуации саморазоблачения, готового перерасти в саморазрушение. Связано это со спонтанным информационным перенасыщением деструктурированного социального пространства. Основную роль в этом играет телевидение. Я имею в виду не столько каналы, откровенно рассчитанные на идиотов. В этом отношении ничем не лучше проправительственные каналы. С одной стороны, именно они обеспечивают поддержку электората, с другой — превращают ее в эфемерную величину. Дело в том, что вся целенаправленно отфильтрованная и дозированная информация, будучи поставлена в один ряд с рекламой какой-нибудь минеральной воды, обладающей поистине космическими возможностями, автоматически опускается на

водопроводный уровень. Телевидение не только не создает новые иерархии ценностей и смыслов, но и, напротив, разрушает уже сложившиеся.

По мнению автора, прошлое — это каталог проб и ошибок, а грядущее, напротив, — чертеж, меняющийся в процессе работы. Хорошо бы так! По моему разумению, мир усложняется, но человечество (не только мы) живет по старому принципу: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Причем шансов на неверные шаги все больше — миром правит Дурак, и, что ужаснее всего, дурак не конкретный, а Большой дурак (анонимный). Последний выступает у нас в нескольких ипостасях: Дурак поневоле (правитель), Главный дурак (элиты), Несчастный дурак (популяция). И все они в пространстве российского *longue durée* только тем и занимаются, что перебирают «имена Отца» (снова Ж. Лакан) — «барин приедет, барин рассудит».

В относительно недавние времена Россия предлагала дерзновенные проекты «оптимизации» государственности: «Государство и анархия», «Государство и революция». Дело дошло до сакраментального «Государство и эволюция». Сегодня прозвучало нечто более внушительное: «Государство и трансформация». Тем не менее, следующему российскому мыслителю такого же масштаба я предложил бы написать книгу «Государство и Дурак».

Не столь давно мне пришлось познакомиться с одной современной беллетристической антиутопией. Я имею в виду роман Владимира Сорокина «День опричника». Я вовсе не поклонник таланта этого скандального автора, но в данном тексте кое-что меня привлекло. Он нарисовал ситуацию в России в середине нынешнего века: после «красной смуты» (можно подумать, что он читал мою книгу), а затем «белой

В.П. Булдаков. Постмодерн как час пик российской и мировой истории?

смуты» (это наши времена) пришла пора новой (информационно-технологизированной) опричнины — громилы Государя пользуются всеми плодами прогресса, но при этом убивают и насилуют по всем правилам средневековья. Жгут книги, но матом изъясняться не велено. Непотизм и взяточничество процветают — но только в высочайше дозволенных формах и масштабах. Власть сама создает виртуальную оппозицию, чтобы, используя ее подсказки, расправиться со своими собственными «не оправдавшими доверия» назначенцами. Европа (постмодерн) превратилась в подобие Дикого поля (от этого дурного пространства Россия отгородилась Западной стеной); центром мира является Китай, производящий и Боинги, и все возможные атрибуты постмодерной цивилизации. Карательные «элиты» непременно владеют китайским (как нынешние элиты — английским). Увы, это по-своему убедительно!

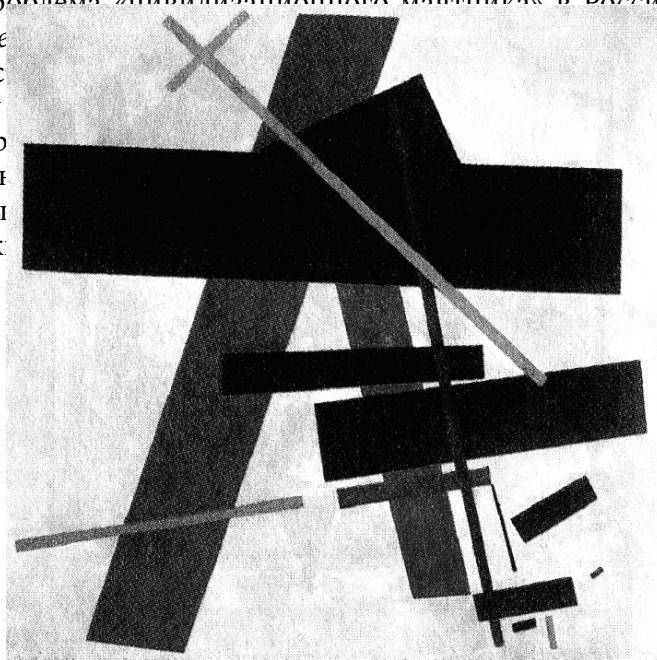
Современные авторы, тем не менее, не устают полемизировать о том, что более подходит для современной России: путь к «нации-государству» или империи?²⁰ Некоторые философы выстраивают «цивилизационный маятник» России в рамках исторической дилеммы «Санкт-Петербург — Москва». Получается, что империя Петра I (европейское начало) — оплот демократии, порядка и Модернити против «московской» (степной) восточной деспотии и хаоса²¹. В этом последнем я сильно сомневаюсь: петровская табель о рангах породила гоголевское «Не по чину берешь!». Сегодняшняя вертикаль власти не случайно превратилась в «вертикаль коррупции» — к этому вел весь прежний российский исторический опыт. Нельзя забывать, что нынешнее Российское государство создано не столько Петром, сколько монголами. Это не Евразия, а вечная Азиопа (П. Миллюков). Именно мон-

²⁰ См. специальный номер *Pro et Contra* «Национальное строительство» (№ 3 (37), май–июнь 2007).

²¹ Кантор В. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания России. М., 2008.

голы решили проблему *регулярного* сбора налогов — а какое без этого государство? Именно они создали ямскую службу (передовую для своего времени), обеспечившую, кстати, возможность «разоблачительного» путешествия из Петербурга в Москву. (Да и вообще, стоило бы — особенно любителям альтернатив — призадуматься: а не имели бы мы без потомков Чингиз-хана сегодня вместо единой России некое балканизированное пространство?) Конечно, те же монголы создали и подобие «рентной» (точнее было бы сказать «ясачной») экономики, плодами которой воспользовался Петр, решивший восстановить «транзит» «из варяг в греки». (Примечательно, что в ноябре 1917 г. из среды казачества раздавались возгласы против «гнилой», «болотной» северной столицы, дыхание которой отравило тело России).

Проблема «цивилизационного маятника» в России символизирует борьбу двух сил. Проблема — это борьба между традицией и модернизацией, между старым и новым. Проблема — это борьба между двумя силами, которые стремятся к единению, но по-разному видят путь к нему. Проблема — это борьба между теми, кто хочет сохранить старые порядки, и теми, кто хочет изменить их. Проблема — это борьба между теми, кто видит в России будущее, и теми, кто видит в ней прошлое. Проблема — это борьба между теми, кто хочет жить в мире, и теми, кто хочет жить в войне. Проблема — это борьба между теми, кто хочет быть свободными, и теми, кто хочет быть рабами. Проблема — это борьба между теми, кто хочет быть счастливыми, и теми, кто хочет быть несчастными. Проблема — это борьба между теми, кто хочет быть людьми, и теми, кто хочет быть животными. Проблема — это борьба между теми, кто хочет быть гражданами, и теми, кто хочет быть подданными. Проблема — это борьба между теми, кто хочет быть свободными, и теми, кто хочет быть рабами. Проблема — это борьба между теми, кто хочет быть счастливыми, и теми, кто хочет быть несчастными. Проблема — это борьба между теми, кто хочет быть людьми, и теми, кто хочет быть животными. Проблема — это борьба между теми, кто хочет быть гражданами, и теми, кто хочет быть подданными.

К. Малевич. Супрематизм